

Le Monde en France: 75 c.

Le Monde en France: 75 c.

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

Редакторъ: К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobelins 65-95, 12-86

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4-8 ч. в.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

Если бы жилъ Чеховъ...

«Проснувшись въ 1-мъ часу ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ-то матросѣ, спрашивалъ о японцахъ, но затѣмъ пришелъ въ себя...» — это писалъ Г. Б. Юлосъ, сообщая въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о кончинѣ Чехова.

А въ другомъ мѣстѣ читаемъ о томъ же:

«Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался...»

«...Онъ сталъ бредить. «Матросъ уѣхалъ?» — «Какой матросъ?» — «Матросъ, — уѣхалъ онъ?» — «Уѣхалъ». Очевидно, это имѣло связь съ войной. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Онъ тихо угасъ, безъ агоніи, уснулъ...»

Такъ умеръ Чеховъ.

Чеховъ, умирая, бредилъ японцами и какимъ то матросомъ... Онъ умираетъ въ далекомъ, чужомъ, Баденвейлерѣ въ годъ сорвавшейся съ цѣпи и пронесшейся надъ Россіей роковой японской войны. И для него эта война была гораздо большимъ, болѣе конкретнымъ и болѣе осязаемымъ, чѣмъ для огромнаго большинства русскаго общества. Вѣдь онъ еще совсемъ незадолго до нея — въ 1898 году — былъ на Сахалинѣ и воочию видѣлъ, что такое русское Приморье... Онъ видѣлъ японскія воды у Цусимы, поглотившія послѣднюю надежду русскихъ патріотовъ, и въ письмѣ къ Суворину тогда у него не мимолетно вырвались жестокія слова о нашей «бѣдности, невѣжествѣ и ничтожествѣ, могущихъ довести до отчаянія»... А когда война пришла, больной и уже обреченный на смерть, онъ думалъ ѣхать на войну врачемъ...

— Если я буду здоровъ, то въ іюлѣ или въ августѣ поѣду на Дальній Востокъ не корреспондентомъ, а врачомъ... — писалъ онъ А. В. Амфитеатрову въ свою послѣднюю весну.

Въ послѣднія минуты своей жизни онъ, горько сказавшій о своемъ личномъ, интимномъ:

— На пустое сердце льда не кладутъ... — жилъ съ Россіей и въ думахъ о ней. Это неоспоримо, и это мы обязаны вспомнить, поминая его память...

Чеховъ — поэтъ сумерекъ, писатель 80 - 90-хъ годовъ, отобразитель нашей сѣрости, нашей упадочности, онъ — разоблачитель нашей тогдашней никчемности!.. Но только ли это? И не набрасываемъ ли мы, утверждая это, на его свѣтлую память лишь тѣнь, отъ которой онъ такъ усиленно оборонялся и хотѣлъ спастись всю свою жизнь? Конечно, онъ отразилъ въ своихъ писаніяхъ эти сумерки послѣднихъ десятилѣтій минувшаго вѣка. Конечно, онъ былъ не только веселымъ, беззаботнымъ Чехонте и сквозь смѣхъ лилъ порою горючія слезы о всѣхъ насъ... Но несомнѣнно и иное — его душа рвалась къ инымъ свершеніямъ и онъ знаетъ о долгѣ писателя не только обличать и разоблачать, и не только скор-

бѣть и убиваться отъ горя, но и звать и поднимать поникшаго человѣка на героическое.

Замѣчательно въ этомъ отношеніи его письмо къ Суворину (еще въ 1892 году):

«Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными, или просто хорошими, и которые пьютъ насъ, имѣютъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и насъ зовутъ туда же и вы чувствуете не утомъ, а всѣмъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по календарю, цѣли ближайшія — крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота или просто вѣрка, какъ у Дениса Давыдова, у другихъ цѣли отдаленныя — Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такую, какая она есть; но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, вы, кромѣ жизни, какая она есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ васъ...»

Чеховъ съ горечью отмѣчалъ, что онъ не таковъ и что не таково все его поколѣніе писателей:

«А мы?... Мы!.. Мы пьемъ жизнь такую, какая она есть, а дальше — ни тирру, ни ну... Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся, а я лично даже смерти и слѣпоты не боюсь. Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ...»

Да, онъ утверждалъ, что **должное** далеко отъ его **могу**, и онъ умѣлъ судить себя и знать, что такое это **должное**. Но Чеховъ умеръ всего 44 лѣтъ и умеръ на рубежѣ, отдѣляющемъ старое отъ новаго, одну эпоху отъ другой — и не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ... Онъ успѣлъ прожить лишь одну **первую** половину жизни, **второй** ему не было отпущено. И, если бы онъ былъ сейчасъ среди насъ (и это могло бы быть: ему было бы 69 лѣтъ), мнѣ думается, даже въ этой старости онъ не замкнулся бы въ своей собственной «Ясной Полянѣ», но былъ бы въ самомъ пеклѣ и пламени жизни!..

Въ своей лебединой пѣснѣ онъ передалъ намъ грустный, меланхолическій, замирающій звукъ умирающаго вишневого сада. Но онъ тогда уже видѣлъ и новую вздымающуюся Россію и, можно сказать, его послѣднимъ героемъ былъ мужикъ, обогороженный дворянскимъ сосѣдствомъ, попомокъ крѣпостного, какъ и онъ самъ — внукъ вольноотпущеннаго воронежскихъ помѣщиковъ Чертковыхъ (отца того самаго Чертова, который издаетъ книжки — толстовца) — Ермолай Лапхинъ.

ЛОЛЛІА ЛЬВОВЪ.